

Norman, Boris Justinovič

Славянские паремии : архаика и новации, мудрость и алогизм

Opera Slavica. 2007, vol. 17, iss. 2, pp. 1-12

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116558>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СЛАВЯНСКИЕ ПАРЕМИИ: АРХАИКА И НОВАЦИИ, МУДРОСТЬ И АЛОГИЗМ

Борис Юстинович Норман (Минск)

Понятие (и термин) «паремия» удобно своей широтой: оно объединяет разнообразные малые жанры фольклора: пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова, а также прибаутки и загадки, считалки и дразнилки и т.д. Конечно, с точки зрения функциональной нагрузки они неоднородны: одни из них (пословицы, афоризмы и т.п.) «учат жить», формируя в сознании носителя языка систему нравственных ценностей, другие такой «нравоучительной» сверхзадачи не преследуют, а служат целям игровым, орнаментальным и т.п. (ср.: Николаева 1990, 229). И, тем не менее, ряд свойств, и прежде всего воспроизводимость в речи и эстетическая «сверхзадача», дает основание для объединения паремий в совокупный объект научного исследования.

Для исследователя эти устойчивые выражения ценны прежде всего своей естественностью, «безыскусностью», позволяющими считать их проявлениями традиционной культуры, «народного духа». Именно по этой причине паремнологический фонд языка, наряду с фразеологическим (нередко объединяемые под общей крышей «идиоматики»), интересует сегодня не только филологов, но и культурологов, этнографов, социологов, психологов, философов. Имеется в виду, что анализ и обобщение закрепленного в фольклоре коллективного опыта, «народной мудрости», позволит глубже проникнуть в самую душу народа, воссоздать и описать его картину мира. Вот как писал об этом один из основателей фразеологии как науки Б.А. Ларин: «Фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» (Ларин 1977, 156). Современные ученые высказываются еще более категорично, например: «В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет...» (Телия 1996, 233).

Естественно, что исходной точкой и материалом для научного поиска оказывается в таком случае текст. Существующий ли в своей непосредственной устной форме или уже зафиксированный в письменном виде, он создаст

некоторую объективную данность, на которую может опираться ученый. Вот как формулирует свое понимание задач, стоящих перед культурологом, один из болгарских исследователей: «Для того, чтобы смоделировать и прояснить определенную черту характера, нам необходимы определенные факты народной культуры. Чтобы их отыскать, мы должны «реставрировать» фольклорный факт через литературу» (Дяков 2001, 24).

Понятно, что в таком случае исследованию в первую очередь подлежат те языковые выражения, которые отражают ключевые для духовной культуры понятия, основополагающие для социума концепты – в частности, «труд», «дом», «семья», «богатство (достаток)», «молодость», «старость» и т.п. Но дает ли языковой и фольклорный материал достаточные основания для лингвокультурологических обобщений? Иными словами, можно ли, опираясь на те же пословицы, поговорки и прочие виды устойчивых выражений, смоделировать надежный образ «народного духа»?

Хотелось бы предостеречь в данном отношении от поверхностных выводов и упрощенной категоризации, примером которой может послужить следующее заключение уральского философа: «Труд всегда был главным идеалом русского народа, определяющим его жизнеспособность. Недаром среди пословиц и поговорок русского народа почетное место отводится тем, в которых прославляется труд, ибо терпение и труд все перетрут» (Емельянов 2003, 50). Стремление найти прямые зависимости между фольклорными образами (пусть даже частыми, расхожими) и мировосприятием, свойственным данному народу, может привести к «подгонке» материала под уже известный ответ, а иногда и к заведомым спекуляциям. Конечно, с помощью паремий и фразеологизмов легко подтвердить уже сложившиеся в массовом сознании стереотипы – скажем, показать, что русским свойственны анархизм и безалаберность, немцам – аккуратность и пунктуальность, французам – легкомыслие и любвеобильность, полякам – гонор (высокомерие) и религиозность и т.д. Но не забудем о том, что сами эти стереотипы в значительной степени условны и архаичны.

Белорусская исследовательница Е.П. Пустошило в своей диссертации сопоставляет некоторый подкласс русских и белорусских паремий и обнаруживает различия в их грамматической структуре. Примерами служат устойчивые выражения типа рус. *И богу молится, и с чертями водится; Угодить сразу и богу и черту; бел. І бога хвалі, і чорта не гняві; Бога прасі і чорта ў злосьць не ўвадзі*. По мнению автора, русские паремии «связаны с негативной коннотацией и являются определениями двуличного человека; они представлены дипласивными конструкциями с оксюморонными и уступительными отношениями. Для белорусского же паремиологического фонда указанные конструкции являются номинацией поведенческой нормы (и одних уважай, и других не настраивай против себя), имеют форму совета...»

(Пустошило 2003, 12). Какой же отсюда делается общий вывод? «Если в русских паремиях этого типа можно усмотреть стремление к четкой жизненной позиции, то в белорусских – чрезвычайную толерантность, склонность к компромиссам» (Там же). Думается, что автор находит в языковом материале то, что он очень хочет найти. Но вряд ли такой анализ продвинет нас на пути изучения реальных особенностей национального менталитета.

С нашей точки зрения, анализ идиоматики в плане ее соответствия познавательным механизмам и онтологическим стандартам конкретной лингвокультурной общности должен производиться весьма осторожно, с учетом по крайней мере трех факторов. Назовем их так: косность, экспрессивность и амбивалентность и рассмотрим далее по отдельности. Иллюстрировать наш анализ мы будем паремиями, собранными преимущественно по следующим источникам: Беларускія прыказкі 1992; Котова 2000; Пословицы русского народа 1957; Čelakovský 2000; Nagajowa 2005.

А. Косность

Языковая картина мира в принципе архаична – это положение может сегодня считаться общепринятым. Легче всего продемонстрировать отставание языка от действительности на примере лексики. Но вдвойне архаична паремиология. Паремии воспроизводимы, это готовые знаки для обозначения некоторых ситуаций, и в данном отношении они уподобляются фразеологизмам и даже словам. Воспроизводимость паремии означает, что языковое выражение в готовом виде хранится в памяти носителя языка и при определенных условиях оттуда извлекается – с тем чтобы быть использованным в речевом акте. Можно сказать, что воспроизводимость и устойчивость – это два взаимосвязанных аспекта (речевой и языковой) одной и той же характеристики выражения. Ведь для того, чтобы словосочетанию или целому высказыванию стать знаком, ему нужно преодолеть сопротивление, косность языкового мышления, привыкшего к тому, что типичный знак – это слово.

Паремиологический фонд обновляется, конечно, медленнее, чем лексика, ему свойственна относительная стабильность. Но все же определенное (и постоянное!) движение происходит и здесь. Легко показать, как со временем некоторые пословицы, поговорки, крылатые выражения и загадки выходят из употребления: сегодня выражения вроде рус. *Случай делает вора, Хлеб за брюхом не ходит, В хвасте нет сласти, Толкуй больной с подлекарем* и т.п. «не воспринимаются» носителем языка так, как сто или двести лет назад, не опознаются как паремии. Но нередко и при сохранении паремии в речевом обиходе сущность ее «выхолащивается», перестает отвечать актуальному положению дел или изменившейся аксиологической шкале. Примерами могут служить русские выражения вроде *Богу богово, а кесарю кесарево, Богу свечка, а черту кочерга, Незванный гость хуже татарина,*

Лучшее – враг хорошего и т.п. Показательны в этом смысле также поговорки, в которых имеет место некоторая идеализация или «поэтизация» бедности, вроде рус. *Бедность не порок; От трудов праведных не наживешь палат каменных; Бедному все сапоги по ноге, Богат да крив, беден да прям; Бедности дана мудрость; Бедный песни поет, а богатый только слушает* и т.п. – все они нынче выглядят довольно архаично.

Можно было бы сказать, что на поговорках лежит отпечаток взглядов их создателя, но это личностное начало должно быть «пропущено» через систему общественных взглядов соответствующей эпохи – того требует само свойство воспроизводимости. В подтверждение достаточно привести несколько примеров из знаменитого сборника М.И. Михельсона «Русская мысль и речь», вышедшего первым изданием в конце XIX века: *И за светлой пуговицей совесть живет* (о приказных); *Каждая копейка алтынным гвоздем прибита; Пчелка и та взятку берет; С поклону голова не отвалится; Не лыком шит; Была игра! Колокола льют; Сухо дерево завтра пятница; Дешевле пареной репы; Ус в честь, а борода и у козла есть* и т.п. (Михельсон 1994). Сегодня все эти выражения требуют культурологического комментария.

Следовательно, если в поговорке, прибаутке или загадке просвечивает социальная оценка какого-то явления, то это вовсе не значит, что на современном этапе развития общества это явление оценивается точно так же.

Подтвердим сказанное на примере славянских поговорок, в которых отражается отношение общества к женщине. Рассмотрим, в частности, такие выражения, как рус. *Бабе дорога от печи до порога, Баба с возу – кобыле легче; Дура баба; Жenu бей, так и щи вкусней; Волос долог – ум короткий; Муж в поле пахать, а жена руками махать; Холостому везде плохо, женатому только дома; Семь топоров вместе, а две прятки врозь*, белор. *Чорт сам не прыйдзе, дык бабу прышле, Жонку любі як душу, а калаці як грушу, З жонкаю, як з бараною ў лесе*; укр. *Баба з воза – кобилі легше; Де багато баб, там дитя безпупе*, чеш. *Kde baba, tu netřeba čerta; Kde husy, tu smrad a štěbety, kde ženy, tu svár a klevety; Dlouhé vlasy, krátký rozum; Babí plemeno chytře*; польск. *Baba diabłu by łeb urwała; Ile białych wron, tyle mądrych żon; Gdzie baba, tam i płu* и т.п. При всей распространенности подобных выражений в славянских языках вряд ли на этом основании можно делать вывод о каких-то гендерных предпочтениях и ориентациях современного общества. Пренебрежительное отношение к женщине, свойственное традиционной культуре, сталкивается сегодня с новыми фактами социального быта – такими, как изменение отношения к матерям-одиночкам, появление женщин – политических лидеров и «бизнес-вумен», развитие новых женских видов спорта (культуризм, футбол и т.п.), расширение и укрепление феминистских движений, в том числе под видом гендерных исследований, и т.п. Показа-

тельна в данном плане современная крылатика, особенно выражения, пришедшие со сцены или с экрана. Примерами могут послужить бытующие в русскоязычной языковой среде выражения типа *Без женщин жить нельзя на свете, нет! Если женщина просит...; Женщину нельзя ударить даже цветком; Женщине столько лет, на сколько она выглядит; Ах, какая женщина!; А ну-ка, девушки, а ну, красавицы! Женщина, которая поет; Девушка моей мечты* и т.д. Всё это, по-видимому, свидетельствует о постепенном изменении – в данном фрагменте – картины мира, свойственной русскому (а надо полагать, и в целом славянскому) языковому сознанию.

Таким образом, следует признать: народный менталитет по большому счету не остается неизменным; сдвиги в общественной психологии и идеологии медленно, но все же происходят. Паремии же оказываются в значительной мере архаичными, то есть отражающими не столько современное, сколько некоторое предыдущее, или даже древнее, состояние народного духа. А для исследователя эта архаичность представляет собой, очевидно, не только достоинство, но и недостаток.

Косность, инерционность паремиологического фонда проявляется и в той медлительности и «натурности», с которой новые выражения становятся устойчивыми, закрепляются в речевом обиходе и фиксируются словарями. Упомянувшийся выше Б.А. Ларин в другой своей работе задавался вопросом: а возникают ли вообще новые идиомы? (Ларин 1977а, 145). Ответ здесь, очевидно, напрашивается положительный, но с оговоркой: даже паремии, «понравившиеся» обществу, должны пройти через годы и годы речевой обкатки для того, чтобы лингвист мог сказать: да, это новое устойчивое выражение.

Приведем некоторые примеры «новых» паремий, появившихся в русскоязычном обществе за последние десятилетия:

Красиво жить не запретишь.

Хочешь жить – умей вертеться.

Не верь, не бойся, не проси.

Не кладите все яйца в одну корзину (калька с английского оригинала).

Если ты такой умный, то почему ты не богатый? (калька с английского оригинала).

Не стоит резать курицу, несущую золотые яйца.

Кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Хорошего человека должно быть много.

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Кто не успел, тот опоздал.

Лечиться даром – это даром лечиться.

Вовремя поднятая вещь не считается упавшей.

Пиво без водки – деньги на ветер.

*Не дай себе засохнуть!
 Мало не покажется.
 Догадайся с трех раз.
 Какие люди – и без охраны! (форма приветствия).
 Новое поколение выбирает «Пепси».
 Если нельзя, но очень хочется, то можно.
 У богатых свои причуды.
 Богатые тоже плачут.
 Пропало желание? Заплати налоги!
 Есть такая буква!
 Подарок в студию!*

«Новые» паремии имеют своим источником различные сферы общественной жизни. Это могут быть фразы из теле- и кинофильмов, рекламных телеклипов, цитаты из выступлений общественных деятелей, фрагменты кодекса поведения, принятого в уголовном мире, популярные анекдоты и песни и т.д. (см., например: Белянин, Бутенко 1994; Кузьмич 2000). В большинстве случаев не составляет труда распознать и ту социальную среду, в которой данные выражения пустили корни. В частности, такая паремия, как *Не кладите все яйца в одну корзину* (или *Не храните все яйца в одной корзине*), рекомендующая пользоваться услугами разных банков (см.: Барли 1984, 134), не могла возникнуть в условиях социалистического общества. И понятно, что выражения вроде *Хочешь жить – умей вертеться* или *Кто не рискует, тот не пьет шампанского* были придуманы в оправдание определенного стиля жизни или черт характера – и, в то же время, они являются детищами своей эпохи.

В романе «Честь имею» известного российского писателя В. Пикуля автор говорит устами своего героя:

– За все приходится платить, а бесплатный сыр бывает только в мышеловках...

Выражение, казалось бы, вполне на своем месте, однако внимательный читатель может заметить, что выражение *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* появилось в русском языке лишь в конце XX века, а действие в романе происходит во время Первой мировой войны.

Итак, принимая фольклорные выражения за источник знаний о народном менталитете, необходимо делать поправку на временные параметры существования данной паремии в речевом обиходе.

Б. Экспрессивность

Вторая черта, изначально присущая паремиям, – экспрессивность, своего рода дополнительный эстетический заряд. Это означает, что использование паремии преследует не только и не столько коммуникативную или

аккумулятивную (познавательную) функцию, сколько эстетическую (по-другому, поэтическую) и экспрессивную (эмотивную) функцию. Если представить себе человека, выбирающего между «что сказать» и «как сказать», то, используя паремию, он по-своему склоняется в сторону второго аспекта. Но эта, казалось бы, дополнительная информация не является для человеческой коммуникации чем-то посторонним – она образует, по выражению Р. Барта, постоянный «гул языка» (Барт 1989, 543).

Экспрессивность паремии обеспечивается сравнениями, психологическими ассоциациями, метафорическими переносами, синонимическими или антонимическими связями, а также формальными языковыми средствами: созвучиями, ритмом, рифмой, архитектоникой синтаксической структуры и т.д. Получается, что язык здесь в каком-то смысле «ведет за собой мысль» или, во всяком случае, активно участвует в ее формировании.

Так, в современных славянских языках нетрудно обнаружить пословицы и поговорки, структура которых несомненно обусловлена фонетическими и грамматическими особенностями соответствующего языка. К примеру, по-русски, если хотят подчеркнуть духовную общность супругов, говорят: *Муж и жена – одна сатана*. Почему же *сатана* (т.е. 'дьявол, нечистая сила')? Откуда такая отрицательная оценка сходства и единства супругов? Ответ прост: *жена* рифмуется с *сатана*, и все. В то же время другие славянские языки дают свои варианты решения данной проблемы. В белорусском, кроме аналогичного *Муж і жана – адна сатана* есть также *Гаспадар і жонка – адна кішонка*, *Гаспадар і баба – адна рада*, в украинском, наряду с *Муж і жона – одна сатана*, совсем краткое *Обоє – рябоє*, в сербском *Састало се зло и горе да се мало поразговоре*, в польском *Maż i żona, kruk i wrona* (*kruk* и *wrona* – похожие, близкие птицы). Понятно, что выбор объекта сравнения для супружеской пары обусловлен здесь в значительной мере случайными причинами, говоря конкретно – созвучиями (ср.: Норман 2004, 250–251).

На службе у «эстетического фактора» могут состоять и другие языковые средства: имена собственные, суффиксальные образования, лексические повторы, архаичные и окказиональные формы, иноязычные вкрапления и т.п., ср. рус. *Одним махом семерых побивахом; Бодливой корове бог рог не дает; Федот да не тот; Велика Федора да дура; Москва – Воронеж, не догонишь; Рука руку моет; Уходя – уходи*; белор. *Наш Тадэуш – які ядэуш, такі раба-тэуш; У вераб'я – тры рубля, а ў верабейкі – тры капейкі; Прыйшли вестачкі, што хочацца естачкі; Ні я ў дзецях, ні я ў лецях; Ні сыты ні голадзен, ні стары і моладзен*; польск. *Każda Eleonora znajdzie swego amatora; Mona z Liżą zaraz wliżą; Bajdy ciotki Adelajdy; Nie masz cyłu, krokodylu; Koniec, ende, więcej mówić nie będą*; чешск. *Chlebiček náš tatíček, kaše matka naše; Psala Ančička, čte po ní kočička; Žena žene, až dožene* и т.п.

Естественно, от микротекста, построенного в значительной степени «ради красного словца», трудно ожидать строгого соответствия законам логики. То, что в обычном случае считается тавтологией, нелогичностью или даже абсурдом, здесь, в паремиях, наполняется иным, неожиданным и оттого еще более глубоким содержанием (ср.: Норман 2006). Приведем в качестве примеров несколько восточнославянских устойчивых выражений: рус. *Живы будем – не помрем; Кто не успел – тот опоздал; Что отдал – то твое; Где бы ни работать, лишь бы не работать; Переливать из пустого в порожнее; Нужен как собаке пятая нога; Без вины виноватый*; белорус. *Адно васемнаццаць, а другое без двух дваццаць; І я не я, і кабыла не мая; Пабачым, як сляпы казаў; Бачыў два белыя, а трэці – як снег; Памяняў плеш на лысіну; Стой там, хадзі сюды! Ад кабылы цялё радзілася; Андрэй Кузьме – родны Хведар*; укр. *Нехай риба буде рак; В лісу був, а дров не бачив; В умілого й долото рибу ловить; У воді стоїть, а води просить; Повів коня кувати, як кузня згоріла* и т.п.

Особенно наглядна языковая составляющая паремий в случае с различного рода прибаутками, дразнилками, считалками, скороговорками, весь смысл которых часто определяется фонетическими особенностями ключевого слова, ср. рус.: *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали; Карл у Клара украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет; Моряк с печки бряк; Два валета и вот это* (присказка в карточной игре); *Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой; Борис-барбарис, председатель дохлых крыс...* и т.п. (см. также: Химик 2005, 672—673); польск. *Jurek, ogórek, kielbasa i sznurek; Ewa spadła z drzewa; Dwie dziurki w nosie i skończyło się; Psiakrew przez dwa ef; Wrona bez ogona* и т.п. Понятно, что семантическая структура всего выражения здесь сплошь и рядом зависит от особенностей формы конкретных слов.

Как известно, оборотная сторона экспрессивности – эмоциональность: именно на эмоциональное восприятие и рассчитано использование экспрессивных единиц. По словам Е.И. Селиверстовой, «второстепенна и минимальна роль логико-предметной характеристики, даваемой некоторыми пословицами, в сравнении с их эмоциональной окраской – оттенками иронии, насмешки, неодобрения, порицания, пренебрежения» (Селиверстова 2000, 500). Эти слова можно в полной мере отнести к только что рассмотренному материалу.

Еще одна речевая ситуация, в которой определяющим для говорящего становится не «что», а «как сказать», – это многообразные переделки уже готовых (известных) паремий: спунеризмы, веллеризмы, контаминированные пословицы и прочие трансформы, которые с легкой руки В.М. Мокиенко и Х. Вальтера получили название «антипословиц». К примеру, старинное русское выражение *Береги платье снову, а честь смолоду* при-

нимает в современном речевом обиходе такие формы: *Береги брюки сзади, а юбку спереди; Береги челюсть смолоду; Береги честь смолоду – полюбишь и козла; Береги честь смолоду, коли рожка крива; Готовь сани летом, а честь смолоду* и т.п. (Вальтер, Мокиенко 2005, 353). Очевидно, что «анти-пословицы» бывают в разной степени удачными (остроумными, меткими, провоцирующими и т.д.). Но, видя в них продолжение естественных для фольклора карнавальных традиций, трудно также не заметить здесь влияния духовной атмосферы постмодернизма. Принцип пастиша, своего рода аутопародии и ёрничанья («как угодно, лишь бы не так, как надо»), не мог не найти своего отражения и в языке.

В. Амбивалентность

Языковой образ человека (и мира в целом) представлен в паремиях противоречиво. Эта амбивалентность объясняется очень просто: каждый предмет, каждая ситуация имеет разные стороны, по-разному оцениваемые и используемые человеком. Не говоря уже о том, что поговорки и афоризмы и прибаутки создаются разными людьми и в разное время и употребляются в разной среде и с разными целями.

Развитие когнитивной лингвистики во второй половине XX в. привело к разработке сценариев (фреймов), лежащих в основе познавательной деятельности человека и обнаруживающих себя, в частности, в процессах развития переносного, метафорического значения слова. Позже закономерности метафоризации в лексике были перенесены на механизмы восприятия и толкования устойчивых выражений, или идиом (Gibbs 1995, 103–111; Dobrovol'skij 1995, 118–127; Pajdzińska 2002 и др.). Однако оказалось, что один и тот же концепт может участвовать в разных сценариях (или, с позиций активной грамматики, может порождать разные сценарии).

К примеру, русские выражения *Назвался груздем – полезай в кузов; Как лодку назовешь, так она и поплывет; С именем – Иван, без имени – болван; Корова без клички – мясо; Назвать что-либо именем – значит получить над ним власть; Называть вещи своими именами* и т.п. (ср. также лат. *Nomen est omen* 'имя – судьба') основаны на представлении о том, что название отражает сущность предмета. Итак, ИМЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ СУДЬБУ ПРЕДМЕТА. Но тот же самый концепт ИМЯ (НАЗВАНИЕ) участвует в сценарии ИМЯ НИЧЕГО НЕ РЕШАЕТ, и этот представление находит свое отражение в поговорках и крылатых выражениях диаметрально противоположного содержания, ср.: *Хоть горшком назови, только в печку не ставь; Сколько ни кричи «Халва!», во рту слаще не станет; Сльвет Нижним, да стоит на горе; Что в имени тебе моем?; Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет* и т.п.

Универсальный характер подобных противоречий можно показать и на сопоставительном славянском материале. Сравним с этой целью оценку концепта РАБОТА в зафиксированных словарями паремиях. С одной стороны, РАБОТА ЭТО ХОРОШО (БЛАГО): рус. *Кто не работает, тот не ест; Труд на ноги ставит, а лень валит; Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Терпение и труд все перетрут; Труд человека кормит, а лень портит; Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; Дело мастера боится*; сербск. *Ко ради, не боји се глади; Нема хљеба без мотике*; укр. *Без труда нема плода; На Бога складайся, а роботи не цурайся; Любиш їздити, люби й саночки возити*; чешск. *Bez práce nejsou koláče; Komu se pelení, tomu se zelení; Kůň k tahu, pták k letu, a člověk ku práci* и т.п. С другой стороны, РАБОТА ЭТО ПЛОХО (ЗЛО), чему опять-таки находится подтверждение в пословицах и афоризмах, ср. рус.: *Работа не волк, в лес не убежит; Работа дураков любит; Ешь – потей, работай – мерзни; Всех дел не переделаешь; Лень раньше нас родилась; Счастье придет, и на печи найдет; Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет*; сербск. *Будала и на свадби нађе посла; Посао није зец, неће побјећи*; укр. *Всіх справ не переробиш; Робота дурнів любить*; чешск. *Práce ročká; Práce není zájíc, neutěče; Světa nepřebudu, díla nepředělám* и т.п.

Подобным образом противоречивую оценку получают в народном сознании и другие концепты, например, такие как СТАРОСТЬ, МОЛОДОСТЬ, БОГАТСТВО, ЗАКОН, ЖЕНИТЬБА, ТЕРПЕНИЕ (ТЕРПИМОСТЬ), СВОЕ и ЧУЖОЕ и т.п.

Уже упомянутый Т. Дяков свою книгу о болгарском характере строит в соответствии с основными национальными чертами болгарина. Главы так и называются: «Патриархальность», «Трудолюбие», «Здравомыслие», «Гостеприимство», «Эгоизм», «Умеренность», «Честолюбие» и т.д. (Дяков 2001). И к каждой главе в качестве эпиграфа приводятся по две пословицы или народных афоризма, противоречащих друг другу по смыслу! А знаменитый польский афорист С.Е. Лец выразился со свойственной ему меткостью: «Пословицы противоречат друг другу. В этом-то и заключается народная мудрость».

Таким образом, даже внутри одного языка, одной культуры оценка одного и того же концепта может быть неоднозначной. Тем более осторожно следует в таком случае опираться на сопоставительный материал разных языков. Можно согласиться с польской исследовательницей Й. Мачкевич, которая, рассуждая о принципах «наивной лингвистики», приходит к следующему скептическому выводу: «Формирующаяся на основе словарно-фразеологических данных языковая картина не является ни целостной, ни связной, ни систематической. Убеждения, соответствующие здравому смыслу, смешиваются в ней со следами магического мышления и элементами

научного знания. Но именно такую картину – гетерогенную, сложную и внутренне противоречивую – мы принимаем за реальность и используем для объяснения повседневного поведения» (Maćkiewicz 2002, 89).

Нечто подобное можно сказать о паремиях, да еще с поправкой на их архаичный характер: нам удобно и привычно считать их проявлениями народного духа, но по сути дело обстоит значительно сложнее. Для получения объективной и полной картины мира, свойственной данному социуму, необходимо учитывать указанные свойства паремий.

Литература:

- БАРЛИ, Н.: Структурный подход к пословице и максиме // Паремиологические исследования. Сб. ст. / Сост. и ред. Г.Л. Пермякова. Москва, 1984. С. 127–148.
- БАРТ, Р.: Гул языка // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1989. С. 541–544.
- БЕЛАРУСКИЕ прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы: / Склаў Ф. Янкоўскі. Выд. 3-е. Мінск, 1992.
- БЕЛЯНИН, В.П., БУТЕНКО, И.А.: Живая речь. Словарь разговорных выражений. Москва, 1994.
- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В.М.: Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург, 2005.
- ДЯКОВ, Т.: Българският характер. София, 2001.
- ЕМЕЛЬЯНОВ, Б.В.: Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Коллективная монография. Екатеринбург, 2003. С. 48–57.
- КОТОВА, М.Ю.: Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. Санкт-Петербург, 2000.
- КУЗЬМЧ, В.: Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии. Москва, 2000.
- ЛАРИН, Б.А.: О народной фразеологии // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). Москва, 1977. С. 149–162.
- ЛАРИН, Б.А.: Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). Москва, 1977а. С. 125–149.
- МИХЕЛЬСОН, М.И.: Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1-2. Москва, 1994.

- НИКОЛАЕВА, Т.М.: О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. Москва, 1990. С. 225–237.
- НОРМАН, Б.Ю.: Когнитивные аспекты паремииологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В.П. Гудкова. Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. Москва, 2004. С. 246–256.
- НОРМАН, Б.Ю.: Логика языка в зеркале народной мудрости // Труды кафедры сучаснай беларускай мовы. Выпуск 5. Да 70-годдзя з дня нараджэння доктара філалагічных навук прафесара А.Я. Міхневіча. Мінск, 2005. С. 148–154.
- ПОСЛОВИЦЫ русского народа / Сборник В. Даля. Москва, 1957.
- ПУСТОШИЛО, Е.П.: Отношение равновесия сходного и различного в семантической структуре сравнения (на материале русских и белорусских паремий). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Минск, 2003.
- СЕЛИВЕРСТОВА, Е.И.: Пословицы как средство эмоционального речевого воздействия // Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В.М. Мокиенко. Санкт-Петербург, 2000. С. 499–507.
- ТЕЛИЯ, В.Н.: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, 1996.
- ХИМИК, В.В.: Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова. Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. Москва, 2005. С. 670–677.
- ČELAKOVSKÝ, F.L.: Mudrosloví národu slovanského ve příslovích. Praha, 2000.
- DOBROVOL'SKIJ, D.: Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Tübingen, 1995.
- GIBBS, R.W.: Idiomaticity and Human Cognition // Idioms: Structural and Psychological Perspectives / Ed. by M. Everaert et al. New Jersey, 1995. P. 97–116.
- MAĆKIEWICZ, J.: Słowo z perspektywy językoznawcy naiwnego // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza. Red. A. Pstyga, K. Szcześniak. Gdańsk, 2002. S. 81–89.
- NAGAJOWA, M.: Słownik rymowanek potocznego języka polskiego. Warszawa, 2005.
- PAJDZIŃSKA, A.: Frazeologia w paradygmacie kognitywistycznym // Z polskich studiów slawistycznych. Seria X. Językoznawstwo. Warszawa, 2002. S. 175–181.